

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ТАРТАР

ВСЁ ЦИКЛИЧНО В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ТАРТАР

Евгений Щёлоков

Тартар

«Автор»

2026

Щёлоков Е.

Тартар / Е. Щёлоков — «Автор», 2026

Последняя часть истории, завершающая события описываемой войны Земной Конфедерации и встреченной на просторах галактики неизвестной рассы.

© Щёлоков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга пятая.	5
ПРОЛОГ. ПЕРВЫЕ СЕМЕНА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРИЛА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Евгений Щёлоков

Тартар

Книга пятая.

ПРОЛОГ. ПЕРВЫЕ СЕМЕНА

Вселенная не любит, когда её трогают руками. Она терпит наблюдателей, прощает зевак, но тем, кто протягивает палец и касается — выставляет счёт. Иногда сразу. Иногда через сорок лет, когда счёт успевает обрасти процентами, а должник — внуками.

За десять лет до того, как человечество узнает слово «Хло» и научится произносить его с ненавистью, разведывательно-геологическое судно «Пионер» несло свою смену вдоль границы изученного пространства. Скучно, как тянется любая вахта в любой богом забытой дыре космоса, — медленно и нудно.

Одиннадцать недель в пустоте. Четырнадцать человек экипажа, три карточные колоды, одна гитара без двух струн и бортовой журнал, страницы которого из недели в неделю повторяли друг друга с занудством бухгалтерской ведомости: «залежи никеля», «кометный остаток», «ничего интересного».

Марат Соломин, мужчина двадцати шести лет, инженер-геолог второго класса, сидел в кают-компании и смотрел на свою чашку так, будто она была в чем-то виновата.

— Опять хмуришься, — сказал штурман Величко, мужик под сорок, с руками с въевшейся смазкой, спросил вполголоса. — Сдавать будешь?

— Буду, — ответил Марат. — Только карты мне принеси другие. Эти несчастливые. Проигрываю тебе уже третий вечер подряд.

— Карты тут ни при чём, Марат Ильич. Тебе просто скучно. Ты думал, геология — это когда стоишь на краю каньона и у тебя ветер в волосах. А получил — сканер, цифры и кофе, который на вкус как говно.

— Получил, — кивнул Марат. — И, честно говоря, начинаю подозревать, что отец был прав. Говорил: иди в связисты. Там хоть на Земле сидишь.

Договорить ему не дали. Тонкий, въедливый писк с приборной панели прорезал кают-компанию, и вахтенный офицер Симакова включила громкую связь:

— Внимание. Зафиксирован гравитационный всплеск, сектор тридцать один — семь. Амплитуда небольшая, но нехарактерная. Доктор Пестич просит группу на спуск.

— Ну вот, — Величко отложил карты и ухмыльнулся одними губами. — Вселенная услышала твои молитвы, Марат.

Доктор Аркадий Пестич, начальник геологической партии, пятидесяти четырёх лет, с бородой цвета серой металлической стружки, уже сидел в рубке и постукивал карандашом по краю консоли — привычка, которую молодёжь экипажа беззлобно передразнивала за его спиной.

— Источник — вот этот камень, — сказал он, не отрывая взгляда от голографической проекции. Астероид на экране выглядел невзрачно: тёмная глыба в два с небольшим километра, изрытая оспинами старых ударов, без имени, без номера в каталоге, просто координатная точка в пустоте. — Амплитуда короткая, но для объекта такого размера — многовато. Может, внутри что-то обрушилось. Полость. Пустота.

— Или ядро плотнее, чем кажется, — предположил Марат.

— Или, — согласился Пестич без особого энтузиазма в голосе. — В любом случае, это стоит того, чтобы спуститься и посмотреть своими глазами. Собирай группу, Марат. Возьмёшь Джаббарову и Величко.

Спускались два часа. Гравитация на астероиде была такая слабая, что каждый шаг превращался в полупрыжок, а резкое движение рукой грозило унести неосторожного в открытый космос без всякой театральности — тихо, незаметно, под шорох собственного дыхания в шлеме.

— Источник в этой расщелине, — сказал Пестич, сверяясь с ручным сканером. — Поле-зешь первым, Марат. У тебя руки помоложе моих.

Расщелина оказалась узкой, как горловина бутылки. Марат протиснулся внутрь, освещая себе путь нашлемным фонарём, — серый камень, испещрённый оспинами микрометеоритов, ничем не отличающийся от тысячи подобных пород, что он уже видел за три года службы.

А потом луч фонаря зацепился за то, чего быть не должно.

— Доктор Пестич, у меня тут что-то есть, — произнёс он, стараясь, чтобы голос не выдал того, что творилось у него внутри. — Что-то... искусственное. Размером с кулак. Тёмное. Грани слишком правильные для камня.

— Не трогай руками, — донёсся встревоженный ответ. — Дай спектрографию сначала.

— Понял.

Марат опустился на корточки перед находкой. Сканер на предплечье отозвался серией показаний, которые не лезли ни в одну известную классификацию, — состав материала скакал при каждом повторном замере, будто предмет не желал, что бы его измеряли, будто сама его структура ускользала от любопытных приборов, как ускользает от сачка бабочка, которую пытаются поймать неумелой рукой.

— Доктор, спектрография бредит. Не могу определить состав. Может, сканер неисправен?

— А может, нашёл что-то такое, чего в каталогах просто нет, — ответил Пестич, и в его голосе впервые за одиннадцать недель прозвучало нечто похожее на азарт. — Бери образец в контейнер, Марат. И, слышишь меня, — руками не трогай.

Марат потянулся за герметичным контейнером на поясе, и в тесноте расщелины, разворачиваясь, задел находку тыльной стороной перчатки.

Ничего не произошло. Предмет остался неподвижен, как и подобает куску мёртвого камня.

«Повезло», — подумал он тогда, даже не предполагая, насколько ошибается. Устройство ждало не прикосновения ткани. Оно ждало прикосновения жизни.

Два часа спустя, уже на обратном пути к челноку, с контейнером подмышкой, Марат заметил неладное с правой перчаткой — тонкий разрыв уплотнительного шва у основания пальца, из которого медленно, по молекуле, выходил воздух.

— Доктор, у меня разгерметизация, небольшая. Иду к челноку.

— Принято, не спеши и не беги, — ответил Пестич. — Скафандр держит запас в несколько часов даже с такой пробойной.

В узком проходе расщелины, в той самой слабой гравитации, что превращала шаги в полупрыжки, Марат оступился — и, чтобы не потерять равновесие, выбросил вперёд руку. Пальцы скользнули по выступу породы. Контейнер под мышкой качнулся. Крышка, которую он второпях не довинутил до конца, разошлась на долю сантиметра — ровно настолько, чтобы полоска кожи у манжеты скафандра, там, где перчатка уже не держала герметичность, соприкоснулась с находкой.

Вспышка пришла изнутри, а не снаружи. Не жар, не холод, не боль — короткое, абсурдное ощущение, будто сквозь голову насквозь, из виска в висок, прошло что-то невесомое и спросило о чём-то, не дожидаясь ответа, и тут же исчезло, оставив после себя только эхо чужого, нечеловеческого сознания, которому Марат не смог бы подобрать слова, даже если бы прожил ещё сто лет и посвятил их исключительно этой задаче.

— Марат? — обеспокоенно позвал Пестич. — Что там у тебя?

— Всё нормально, доктор. Оступился, — ответил он, и сам не до конца понял, солгал ли.

Спектрографический анализ, проведённый на борту в последующие сутки, дал результат настолько рваный и противоречивый, что старший инженер корабля списал его на неисправность прибора: состав находки менялся при каждом повторном замере, будто вещество медленно, по атому, растворялось в собственном контейнере. К возвращению на орбиту Земли, три недели спустя, от образца осталась горстка пыли неопределённого состава. В журнале появилась короткая запись: «Утрата образца вследствие нестабильности состава». Строчка легла в архив геологической службы рядом с тысячами таких же и больше никогда и никем не была прочитана вслух.

Ни один из четырнадцати членов экипажа не прошёл по возвращении ничего, кроме стандартного, ленивого медосмотра, какой полагается для невоенных экспедиций. Отклонений не нашли ни у кого. В том числе у Марата Соломина, чья короткая заминка в тесной расщелине стёрлась из памяти экипажа уже спустя месяц, растворившись среди сотен других мелочей четырнадцати недельного рейса.

Через два года он женился на девушке по имени Алина — инженере связи с той же орбитальной верфи, где работал теперь он сам, отказавшись от дальних рейсов ради спокойной, размеренной жизни на станции.

— Не заскучаешь без своих астероидов? — спрашивала она его накануне свадьбы, с лёгкой насмешкой разглядывая жениха поверх бокала.

— Три года искал что-то интересное среди камней, — ответил он. — Нашёл. Оказалось — совсем не камень, а красивая девушка.

Ещё через год у них родился сын. Назвали Виктором — в честь деда Алины, не доживший до звёзд человека прежней, земной войны, о которой мальчик впоследствии узнает только из школьного курса истории.

Виктор рос обычным ребёнком. Разве что чуть внимательнее сверстников разглядывал тени на потолке, чуть быстрее остальных укладывал в голове логические головоломки, которые отец от нечего делать раскладывал перед ним по вечерам на ковре гостиной.

— Пап, а почему звёзды не падают? — спрашивал пятилетний Виктор, глядя на проекцию ночного неба, которую Марат специально установил на потолке детской, чтобы сын засыпал спокойнее.

— Потому что у каждой есть своя дорога, сынок. И она по ней идёт миллионы лет, не сбиваясь.

— А у меня есть дорога?

— Конечно есть. Просто ты пока слишком мал, чтобы увидеть её целиком. Спи.

Однажды ночью, зайдя проверить сына перед сном — привычка, которую Марат не оставлял даже после двойной смены на верфи, — он услышал, как мальчик, крепко спящий, бормочет что-то несвязное. Не лепет, не обрывки мультфильма. Ритмичную, чужую фразу — ни на одном земном языке, что Марат когда-либо слышал от людей, по радио или в книгах.

Он замер у кровати. По спине прополз холодок — тот иррациональный холод, что заставляет взрослого мужчину на мгновение поверить в то, во что он никогда бы не поверил при свете дня.

Фраза повторилась дважды. Виктор вздохнул, перевернулся на другой бок и затих.

Утром, за завтраком, Марат спросил как бы между делом:

— Витя, а что тебе снилось ночью? Ты разговаривал во сне.

— Не помню, пап, — мальчик был куда больше занят кашей. — Кажется, там был большой корабль. Или гора. Может, и то, и другое. Не помню точно.

— А слова какие-нибудь помнишь? Ты будто что-то говорил, только я не разобрал язык.

Виктор наморщил лоб, честно пытаясь вспомнить, — и пожал плечами с той обезоруживающей простотой, на какую способны только очень маленькие дети.

— Нет, пап. Можно ещё каши?

Марат улыбнулся, потрепал сына по волосам и решил, что это обычный детский кошмар — из тех, что снятся всем и не значат решительно ничего. Он не стал тревожить Алину по пустякам. Он никогда больше не вспоминал об этом эпизоде — ни в последующие месяцы, ни в последующие годы.

Семя было посажено. Оно не торопилось. У того, что его посадило, было в запасе больше времени, чем вмещает вся человеческая история, помноженная саму на себя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРИЛА

Глава 1.

Кабинет Верховного главнокомандующего объединёнными силами Земной Конфедерации занимал сорок второй уровень станции «Возрождение» — просторное помещение, обставленное с аскетизмом человека, который давно разучился замечать роскошь и не видит смысла её разводить. Единственным украшением служила стена-экран с живой, обновляемой в реальном времени картой границ — тонкой, растянутой линией, вдоль которой вот уже десять лет года не происходило ровным счётом ничего, если не считать редких патрульных ботов Хло, забредавших на нейтральную полосу и неизменно превращавшихся в обломки прежде, чем успевали передать хоть что-то назад за линию фронта.

Виктор Соломин смотрел на эту линию третий час подряд.

Пятьдесят лет. Двадцать семь из них — война, с короткими передышками, которые устало принято называть миром, хотя мира никто из ныне живущих толком не видел и не помнил. Под воротником кителя, скрытый от посторонних глаз, висел на простом кожаном шнурке оплавленный кусок металла — всё, что осталось доступным ему от обшивки старого «Стрижа», разведывательного корабля, на борту которого он когда-то, зелёным добровольцем, драил палубу и слушал, как капитан Анна Рихтер учит его не бояться смерти, а бояться невнимательности. «Невнимательность убивает быстрее трусости», — говорила она. Он выторговал этот фрагмент у команды утилизации месяц спустя после того, как «Стриж» и его капитан сгорели в первые минуты вторжения, операцию по отражению которого позже назовут «Пандорой». Он не снимал его с тех пор ни разу.

Дверь открылась без стука. Такая привилегия была в Конфедерации ровно у одного человека.

— Опять пялишься в карту, — сказала Ирина Соколова, опускаясь в кресло напротив с той бесцеремонностью, что вырабатывается десятилетиями совместной службы и больше ничем другим. Ей было шестьдесят один. Седина забрала последние тёмные пряди лет пять назад, морщины на лице читались как послужной список — у каждой была своя битва, свой список потерь.

— Десять лет тишины, Ирина, — сказал он, не оборачиваясь. — Меня это тревожит сильнее, чем любая известная активность противника.

— Ты говоришь это третий месяц подряд на каждом совещании штаба.

— Потому что я третий месяц подряд прав, а меня никто не слушает.

— Я слушаю, — Соколова закинула ногу на ногу. — Просто я не знаю, что с этим делать. Хоффман сидит на бюджете, как собака на сене. После смерти Долгина единственный, кто ещё помнит, каково это — воевать с Хло всерьёз, а не по учебникам, это Брандт, и она требует противоположного: не лезть, не трогать, сидеть тихо.

— Долгин погиб двадцать с лишним лет назад, — тихо сказал Соломин. — Я его почти не знал, видел только один раз. А вот Хло я знаю. И знаю: они не умеют бездействовать бесцельно. Каждое их молчание в этой войне заканчивалось ударом. Новая Вега. Гранада-3. Десять лет тишины перед «Пандорой» — а потом три направления удара одновременно.

— Значит, что ты предлагаешь? Снова лезть вглубь их территории? После всего, что случилось в прошлый раз?

— Я предлагаю не закрывать глаза, — ответил он. — Разница есть, Ирина, и ты это знаешь не хуже меня.

Соколова долго молчала, глядя на застывшую линию границы поверх его плеча.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Заседание через два часа. Успеем пообедать, если ты наконец оторвёшься от этой стены?

— Если ты обещаешь сегодня не давить на Хоффмана слишком сильно, — он наконец повернулся к ней, и в этом повороте было что-то от старой, невысказанной близости двух людей, слишком давно и слишком плотно сросшихся друг с другом по работе, чтобы продолжать называть это службой. — Он и так на нашей стороне больше, чем показывает публично.

— Тогда пусть покажет это хоть раз в жизни по-настоящему, — буркнула Соколова, поднимаясь. — У нас нет времени ждать, пока он наберётся смелости.

— В этом и вся проблема, — сказал Соломин, вставая следом.

Глава 2.

Зал заседаний Совета встретил привычной тишиной — тем особым сортом напряжённого молчания, что повисает в комнате, где все заранее знают позиции друг друга и всё равно собираются спорить, потому что ритуал важнее результата.

Канцлер Эдвард Хоффман, давно перешагнувший седьмой десяток, с лицом человека, слишком долго балансировавшего между необходимым и возможным, сидел во главе стола.

— Верховный главнокомандующий, — произнёс он, — доложите обстановку на границе.

Соломин поднялся, развернул карту.

— Десять лет без значимой активности противника. Патрульные боты уничтожаются регулярно. Я настаиваю на расширении разведывательного присутствия за пределами наших рубежей. Молчание Хло тревожит меня больше, чем открытая агрессия.

— Мы уже слышали этот доклад дважды за полгода, Верховный главнокомандующий, — подала голос советница Аль-Фахри, экономист с репутацией человека, не склонного к сантиментам. — Что изменилось с прошлого раза?

— Ничего не изменилось. Именно это меня и тревожит, советница. Двадцать семь лет этой войны научили меня одному: длительное затишье со стороны Хло почти никогда не случайность.

— Именно поэтому, — скрипучий, но не утративший силы голос Хелены Брандт разрезал зал, — я настаиваю на противоположном. Вы предлагаете расширение разведки вглубь территории противника. Именно так, шаг за шагом, начиналась цепь решений, что привела нас к «Пандоре». Сначала разведка. Потом находка. Потом непреодолимое искушение находку применить. Я не хочу видеть повторения этого пути, пока я ещё дышу.

— Советник Брандт, — Соломин заговорил медленно, тщательно подбирая слова, — я не предлагаю вторжение. Я предлагаю наблюдение за нашими собственными границами, не выходя за пределы изученного пространства. Разница принципиальна.

— Разница всегда не кажется принципиальной в момент принятия решения, — ответила Брандт с горечью человека, видевшего слишком много подобных решений, обернувшихся катастрофой десятилетия спустя. — А через двадцать лет следующее поколение обнаруживает, что это был первый шаг к пропасти.

Хоффман поднял руку, останавливая разгорающийся спор.

— Довольно. Верховный главнокомандующий, разрешаю умеренное расширение бюджета разведки — в пределах, не требующих санкции парламента. Советник Брандт, ваша озабоченность будет занесена в протокол дословно. Переходим к экономике.

Садясь на место, Соломин поймал взгляд Соколовой — короткий, понимающий, без единого слова говорящий больше, чем целое выступление.

Компромисс, — подумал он. — Опять. Достаточно, чтобы не спать спокойно. Недостаточно, чтобы быть готовыми.

После заседания, в коридоре, Хоффман придержал его за локоть.

— Виктор. Я знаю, вам хотелось большего.

— Хотелось, канцлер.

— Экономика едва держится. Продавлю через Совет полноценную наступательную программу — завтра парламент потребует моей отставки, и место займёт тот, кто вообще перестанет слушать военных.

— Я понимаю политику, канцлер. Я прошу вас понять и меня: десять лет молчания Хло — не передышка. Это подготовка.

Хоффман долго смотрел на него тем взглядом, что появляется у людей, десятилетиями несущих груз решений, ни одно из которых не бывает полностью правильным.

— Я услышал вас, Виктор, — сказал он наконец. — В следующий раз постараюсь сделать больше. Но обещать не могу.

Глава 3.

Вечером, в скромном ресторанчике на жилом уровне станции, собрался узкий круг людей, тридцать лет назад начинавших службу на борту «Стрижа» под командой Анны Рихтер.

Капитан 1 ранга Григорий Плахов, ныне командир флагмана Соломина, поднял бокал разбавленного вина — хорошая выпивка давно стала редкостью после десятилетий военной экономики.

— За «Стриж», — сказал он с той теплотой, что прорывается в голосе только в такие редкие вечера. — И за тех, кого больше нет с нами.

— За «Стриж», — откликнулись контр-адмирал Виктория Земцова, дочь легендарной тётки, погибшей в самоубийственной атаке при Гранаде-3, и полковник авиации Рустам Джаббаров, ветеран трёх крупных сражений.

— Помните, как мы драили палубу после протечки охладителя? — усмехнулся Плахов. — Капитан Рихтер сказала тогда, что если мы не справимся за два часа, она лично выкинет нас за борт вместе с реактором.

— Она бы так и сделала, — кивнул Соломин. — Помню, заставила меня трижды пересчитывать запас топлива, потому что мои расчёты разошлись с её собственными на полпроцента. «Полпроцента, юноша, может стоить жизни где-нибудь на полпути домой».

— Мама рассказывала похожие истории, — тихо заметила Земцова, глядя в бокал. — Говорила: более требовательного командира за всю карьеру не встречала. Но именно поэтому под её началом выживало больше людей, чем у большинства остальных капитанов её поколения.

Разговор сполз в тёплое, ритуальное вспоминание прошлого — тех дней, когда все были молоды, а война, невзирая на весь свой ужас, казалась понятнее нынешнего хрупкого равновесия.

— Виктор, ты слишком много работаешь, — сказала Земцова. — Даже сегодня твои мысли где-то на карте границ.

— Прости. Молчание Хло мне не нравится.

— Может, устали воевать так же, как мы? — предположил Джаббаров без особой убеждённости.

— Может, — ответил Соломин, и по его тону было ясно, что сам он в это не верит. — А может, нашли то, чего им не хватало двадцать девять лет: терпение.

— Пугаешь меня такими разговорами, — усмехнулся Плахов, но в глазах у него читалось не веселье.

Земцова, помолчав, спросила тише:

— А как Ирина? Вы всё ещё...

— Мы всё ещё, — коротко улыбнулся Соломин, и улыбка тут же погасла. — Насколько это возможно при наших должностях.

Никто не стал развивать тему дальше. Двадцать с лишним лет совместной службы научили их уважать границы личного, даже когда речь шла о человеке, чьи решения определяли судьбу всей Конфедерации.

Глава 4.

На передовой базе «Форпост-Один», на самом краю сектора, который когда-то значился в сводках как «Тень», а теперь превратился в один из опорных пунктов обороны, капитан морской пехоты Нил Ортега проверял снаряжение своего отряда перед вылетом, методично проходя вдоль строя из двенадцати бойцов.

Нил давно перестал быть вспыльчивым лейтенантом, каким был десять лет назад, во времена «Пандоры». Годы на передовой выковали из него человека собранного, немногословного, с репутацией, которую не выдаёт звание, — репутацией командира, который первым идёт в опасность, а не отправляет туда других.

— Сомов, пряжка перекошена, — заметил он, остановившись напротив молодого рядового. — В бою поправлять будет некогда.

— Так точно, капитан.

— Дементьев, доложите готовность.

Сержант Дементьев — немолодой уже, прослуживший под его началом шесть лет, — вытянулся:

— Двенадцать бойцов готовы к вылету. Боекомплект полный, бронежилеты проверены дважды.

— Хорошо. Задержитесь на минуту, сержант. Остальные свободны до сигнала посадки.

Когда бойцы разошлись, Дементьев остался стоять, выжидая.

— Капитан, вы уверены, что хотите возглавить эту операцию лично? Штаб предлагал лейтенанта Круза.

— Груз особой важности, сержант. Мне приказано лично проследить. Раз мне доверили такую честь, я не собираюсь перекладывать это на кого-то другого.

— Что за груз, если не секрет?

— Секрет, — усмехнулся Нил, хотя улыбка вышла напряжённой. — Даже мне не сказали подробностей. Сказали: особо ценный груз, важен для флота, доставка на Крилу, передача уполномоченным лицам по прибытии. Больше не положено знать.

Дементьев кивнул, не задавая лишних вопросов — многолетняя привычка к секретности давно стала его второй натурой.

Мать Нила, Елена Ортега, звонила накануне вечером — как звонила перед каждой новой операцией последние десять лет, с неизменной смесью гордости и страха в голосе.

— Нил, — сказала она тогда, и усталость на экране планшета мешалась с внутренней силой, что позволила ей вырастить двоих сыновей в одиночку после гибели мужа при Первом контакте, — я знаю, что не могу тебя остановить. Обещай быть осторожным.

— Обещаю, мам.

— А от Нормана ничего нового не слышно?

Он почувствовал знакомую тянущую пустоту в груди при упоминании брата. Норман третий год состоял при каком-то засекреченном проекте бюро перспективных технологий — что-то связанное с «Ключом», с резонансными операциями особого назначения. Полгода назад связь с ним стала реже, потом исчезла совсем. Не похоронка, не пропавший без вести — просто тишина такого уровня секретности, который не позволяет даже близким узнать, жив ли человек, которого они любят.

— Нет, мам. Как обычно. Секретность.

— Он был таким блестящим учёным, Нил, — тихо произнесла Елена. — Отец гордился бы им не меньше, чем тобой.

— Отец гордился бы нами обоими, — ответил он твёрдо. — Я узнаю, что с ним происходит. Обещаю.

Он не мог знать, произнося это, как скоро — и как страшно — исполнится это обещание.

Глава 5.

Транспортный корабль «Гефест» принял отряд капитана Ортеги на орбитальном доке «Форпост-Один» рано утром следующего дня.

Груз доставили в закрытом медицинском контейнере в сопровождении двух учёных в белых халатах и охраной куда более серьёзной, чем предполагал обычный, пусть и секретный груз, — обстоятельство, немедленно насторожившее Нила.

— Капитан Ортега, — обратился к нему один из сопровождающих, доктор Руднев, мужчина с уставшими глазами человека, давно не спавшего полноценно, — груз крайне чувствителен к внешним воздействиям. Прошу вашу группу воздержаться от прямого контакта без крайней необходимости.

— Что внутри, доктор?

— Засекречено выше вашего допуска, капитан. Мне приказано лишь обеспечить сохранность до передачи в пункте назначения.

— Тогда хотя бы скажите: он опасен для моих людей?

Руднев переглянулся с молодой женщиной рядом, представившейся доктором Кац.

— Прямой контакт может представлять риск, капитан, — ответила она. — Контейнер оборудован многоуровневой системой сдерживания. Пока она функционирует — ваши люди в безопасности.

Нил кивнул, хотя тревога лишь усилилась. Отдал приказ занять позиции вокруг контейнера согласно протоколу и приготовился к перелёту.

— Что скажешь о нашем секретном грузе, Дементьев?

— Скажу, что не люблю, когда учёные боятся смотреть мне в глаза, отвечая на простые вопросы, — мрачно ответил сержант. — Чем больше секретности вокруг груза, тем выше шанс, что он взорвётся у нас перед носом в самый неподходящий момент.

Спустя шесть часов полёта, на подступах к системе Крылы, контейнер вдруг ожил тревожным, предупреждающим писком.

— Что происходит? — Нил бросился к контейнеру вместе с Рудневым.

— Показатели жизнедеятельности скачут, — доложила Кац, лихорадочно сверяясь с переносным терминалом. — Нейронная активность зашкаливает. Система сдерживания на пределе. Нужна немедленная стабилизация, иначе потеряем объект.

— Открывайте, — скомандовал Руднев, вытирая испарину.

Створки медленно разошлись, выпустив облако консервирующего пара, — и в этом облаке Нил увидел лицо, от вида которого у него перехватило дыхание.

— Норман? — прошептал он, не веря собственным глазам.

Существо в контейнере — уже не вполне человек, но и не машина — открыло глаза. Тонкие металлические прожилки проступали под кожей на висках и скулах, радужка отливала неестественным матовым блеском, но черты лица оставались безошибочно узнаваемы.

— Нил? — голос звучал почти как прежний голос брата, лишь с едва заметной механической хрипотцой на согласных. — Это правда ты?

— Норман, это я, — Нил схватил его за руку, не слушая окрика Руднева. — Что они с тобой сделали? Нам же почти ничего не говорили эти полгода!

— Капитан, отойдите, пожалуйста, — Руднев попытался оттеснить его. — Объект нестабилен.

— Объект? — ледяная ярость прорезала голос Нила. — Это мой брат, доктор! Мне даже не сказали, что груз — это он!

— Я понимаю ваше потрясение, — вмешалась Кац, — но сейчас не время для объяснений. Нормана Ортегу нужно немедленно стабилизировать.

— Слышишь меня? — Нил снова повернулся к брату. — Понимаешь, что происходит?

— Слышу, — тихо ответил Норман тем же тоном, что Нил помнил с детства, — тоном человека, привыкшего извиняться за собственную неуклюжесть перед более решительным братом. — Прости, что не мог связаться раньше. Программа была слишком секретной для личных контактов.

— Поговорим позже, — сказал Нил, чувствуя, как ярость медленно уступает облегчению. — Сейчас главное — довести тебя целым.

У него не было времени осмыслить потрясение до конца. Сирена боевой тревоги прорезала корабль пронзительным воем.

Глава 6.

— Капитан! Множественные контакты у планеты! Нас атакуют! — заорал пилот по внутренней связи.

Нил мгновенно переключился в режим, отточенный десятками подобных ситуаций.

— Всем занять оборонительные позиции! Дементьев, доклад об эскорте!

— Четыре эсминца вступают в бой! Противник появился внезапно, разведка ничего не фиксировала!

— Доктор Руднев, закрывайте контейнер, готовьтесь к эвакуации!

— Мы не можем просто закрыть его снова! Объект в критическом состоянии!

— Тогда молитесь, чтобы мы пережили следующие пять минут, — отрезал Нил, уже командуя через нашлампную гарнитуру. — Первое отделение — к ботам! Второе — прикрываете транспорт из бортовых орудий!

Транспорт «Гефест» вошёл в зону поражения системы обороны, о существовании которой разведка Конфедерации не подозревала: законспирированный гарнизон Хло, обосновавшийся в разломах Крылы ещё до операции «Рубикон» и невероятным образом остававшийся незамеченным все прошедшие годы.

— Множественные оружейные позиции на поверхности! Огонь из скрытых установок, вживлённых в скальную породу! — доложил тактический офицер эскорта. — Серьёзная недооценка численности гарнизона!

Снаружи, за бронестеклом иллюминатора, разгоралось зарево первых разрывов. Один из эсминцев эскорта — «Пронзающий» — получил прямое попадание в двигательный отсек и завалился на борт, теряя ход, выплёвывая в космос рваные языки плазмы из развороченной обшивки.

— «Пронзающий» теряет ход! Экипаж катапультируется!

— Продолжаем десантирование! — рявкнул Нил. — Боты, пошли, пошли!

Норман, всё ещё лежавший в частично открытом контейнере, вдруг резко напрягся, будто прислушиваясь к чему-то, недоступному человеческому слуху.

— Нил, — произнёс он тихо, но настойчиво, — что-то не так. Я чувствую резонанс — здесь, внизу, на планете. Что-то древнее просыпается.

— Объяснишь позже, — бросил Нил, уже пристёгиваясь к десантному креслу. — Сейчас держись и молчи.

Глава 7.

Десантные боты вошли в атмосферу Крилы под шквальным огнём. Огнём куда более интенсивным, чем предполагала разведка, составлявшая маршрут высадки по неверным данным.

Каменистая поверхность планеты, испещрённая трещинами и разломами древней тектонической катастрофы, служила одновременно укрытием и смертельной ловушкой: скрытые огневые точки, вживлённые прямо в скальную породу с органически-механической эстетикой, которую человечество научилось узнавать за десятилетия войны, извергали потоки энергетических разрядов с точностью, не оставлявшей места для беспечности.

— Всем держаться группами по трое! — командовал Нил, когда бот, накренившись от близкого разрыва, совершил жёсткую посадку среди нагромождения тёмных валунов. — Дементьев — слева, Сомов — справа, я иду по центру!

— Огонь по расщелине! — кричал он, ведя людей перебежками между камнями. — Видите позицию у трещины? Оттуда бьют!

— Вижу, капитан! Заходи с фланга, прикрою!

Рядовой Сомов получил попадание в плечо на перебежке, повалился с коротким вскриком, который на секунду перекрыл грохот боя.

— Медик!

— Ранение серьёзное, но не смертельное! Кровь остановлена, нужна эвакуация в течение часа!

Бой затягивался дольше, чем предполагал план. Разведка, оценивавшая гарнизон в несколько десятков особей с минимальным вооружением, катастрофически ошиблась: подземный комплекс скрывал контингент куда многочисленнее и технологичнее.

— Капитан, у нас потери! Рота теряет темп! Нужна поддержка с орбиты!

— Запросите огонь эскорта! — приказал Нил, укрываясь от очередного залпа и лихорадочно перезаряжая оружие. — И передайте на «Гефест»: пусть готовят экстренную эвакуацию контейнера!

Спустя ещё полчаса ожесточённого сопротивления, ценой гибели капрала Северина, которому досталось прямое попадание энергетического заряда в момент перебежки между укрытиями, отряд потеснил противника к глубинным туннелям, вход в которые обнаружился за нагромождением обломков, замаскированным настолько искусно, что без прямого столкновения с гарнизоном его бы никогда не нашли.

— Противник отступает вглубь туннелей, капитан! Похоже, защищают что-то конкретное, а не просто держат позицию!

— Продолжаем давление, — скомандовал Нил. — Если отступают к чему-то важному — нам нужно знать, к чему именно.

Стены туннеля, освещаемые нашьлемными фонарями, демонстрировали всё более отчётливые следы искусственной обработки — гладкие, покрытые сложным геометрическим орнаментом поверхности, резко контрастирующие с грубой породой у входа.

— Капитан, взгляните, — сказал один из бойцов, останавливаясь у особенно примечательного участка стены. — Это не похоже ни на что из построек Хло, что я видел.

— Не время для экскурсий, — жёстко ответил Нил. Но сам не мог не заметить необычность архитектуры.

Именно в этот момент, когда отряд, оттеснив последние группы обороняющихся, оказался в относительно широком, свободном от завалов участке туннеля, планета вздрогнула. Не так, как вздрагивает грунт от близкого взрыва, а глубинной, идущей из самого ядра силой, что заставила даже опытных бойцов схватиться за стены.

Глава 8.

— Что это было?! — воскликнул Сомов, морщась от боли в перевязанном плече, но не оставивший строй.

— Землетрясение! Крила нестабильна тектонически, нам говорили на инструктаже!

Подземный толчок - явление обычное для геологически неспокойной Крилы. Но на этот раз оно было усиленно, как выяснится значительно позже, резонансным откликом древних

структур предтеч на присутствие Нормана где-то поблизости, прокатился по планете с силой, заставившей содрогнуться даже толстые скальные своды.

— Всем покинуть туннель! — скомандовал Нил. — Обвал! К выходу, живо!

Поздно. Свод пещеры прямо над позицией, которую удерживал Нил с двумя оставшимися рядом бойцами, обрушился без малейшего предупреждения. Многотонная масса, прежде тысячелетия державшаяся на честном слове, рухнула вниз с оглушительным грохотом, поднимая тучи многовековой пыли.

— Капитан! — донёсся сквозь грохот отчаянный крик Дементьева с другой стороны обвала.

Земля разверзлась под ногами с внезапностью, не оставившей ни единого шанса среагировать. Короткое, головокружительное ощущение падения, десятки метров сквозь темноту, мимо неразличимых выступов, и удар о дно выбил из лёгких весь воздух.

Нил очнулся не сразу. Боль в правом боку, тошнотворное головокружение от сотрясения. Он пошевелился, и тело отозвалось резкой болью в рёбрах, но ничего, кажется, не было сломано настолько, чтобы лишить его способности двигаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.